Чи Янь проснулся и увидел перед собой бледно-голубой потолок больницы. Вокруг было не слишком тихо — люди сновали туда-сюда.

В крупной больнице койки были на вес золота, и он, как оказалось, спал прямо в коридоре.

Чи Янь попытался подняться, но, стоило ему напрячь спину, как по всему телу пронзила боль. Локти не выдержали, и он с грохотом упал обратно на железную кровать, скривившись от боли и тяжело дыша.

— Братец!

Чи Мэнцзя, увидев, что он очнулся, тут же бросилась к нему, не в силах сдержать слёз.

Чи Янь хотел погладить её по голове, но, заметив, что его руки в грязи и крови, опустил их.

— Всё в порядке, всё в порядке… — хрипло произнёс он, пытаясь улыбнуться, чтобы успокоить сестру, но лицо тоже болело, и он лишь едва скривил губы. — Я ведь всегда был крепким, как дуб. На самом деле не так уж и больно.

Чи Мэнцзя ещё немного поплакала, прежде чем Чи Янь спросил:

— Почему ты вдруг сказала, что не хочешь возвращаться домой?

Сестра села, тушь на ресницах размазалась:

— Просто… просто не хочу возвращаться, вот и всё.

Потом она неуверенно добавила:

— Братец… С самого детства ты считал меня надоедливой, противной… Не думал ли ты, что, если бы меня и Иляна не было, ты мог бы получить всю любовь отца и папы?

Услышав это, Чи Янь вспомнил своё детство, времена, когда ещё не было ни Чи Мэнцзя, ни Чи Иляна.

Тогда плечо отца принадлежало только ему, и объятия папы были только его.

Он чувствовал себя глубоко любимым, как будто был центром вселенной, самым счастливым ребёнком на свете.

Когда Чи Яню было пять лет, родилась Чи Мэнцзя, а в семь лет появился Чи Илян.

Сказать, что он не чувствовал себя обделённым, было бы неправдой.

Но это чувство обиды сменилось ощущением «нужности», которое возникало, когда он заботился о младших — по крайней мере, папа ещё разговаривал с ним, просил помочь по дому и проверял, как у него получается.

Хотя бы на мгновение, но папа смотрел только на него.

— Честно говоря, конечно, такие мысли были, — откровенно признался Чи Янь. — Но ведь отец не всегда дома, верно? И я подумал… До вашего рождения отец и папа любили только меня, а теперь папина любовь делится на троих. Разве это не слишком мало? Поэтому я решил, что тоже буду любить и защищать вас… Вы такие маленькие, такие милые, просто как ангелы…

Чи Мэнцзя опустила глаза, словно не тронутая искренними словами брата.

— Это Илян… У него начался гон.

Их младший брат, Омега, в детстве был слаб здоровьем, но с возрастом окреп. Однако папа продолжал заботиться о нём с прежней тревогой. По мере того как он рос, его внешность становилась всё более привлекательной, даже превосходя Чи Мэнцзя, но папа, казалось, волновался всё больше. Чи Илян поздно прошёл дифференциацию, и его гон начался позже, чем у других Омег, и длился дольше. Папа же всегда был рядом с ним.

Чи Янь внутренне улыбнулся. Чи Мэнцзя всё ещё была ребёнком, нуждающимся во внимании папы, и потому совершала такие бунтарские поступки.

Хорошо, что она ещё не ступила в какую-нибудь пропасть.

Сдерживая боль, Чи Янь достал из сумки вакуумный пакет, в котором лежала нетронутая рубашка, подарок для сестры, и с гордостью протянул его ей, желая поднять ей настроение. Чи Мэнцзя взяла пакет, провела по нему пальцами, и крупные слёзы снова закапали на его поверхность.

— Пойдём, если не хочешь домой, я отвезу тебя в школу… — медленно поднялся Чи Янь. — Но ты должна пообещать мне, что больше не будешь общаться с теми людьми.

Чи Мэнцзя молча кивнула.

— Тогда я пойду оплачу счёт, ты подожди здесь…

Чи Янь, прихрамывая, направился к кассе.

— Братец! Подожди…

Чи Мэнцзя остановила его.

— Твой друг… Он пришёл и занялся всем этим… И с полицией тоже разбирался.

Чи Янь удивился, неужели у него есть такой друг? Повернувшись, он столкнулся с человеком, который, проворно подхватив его под мышки, не дал упасть.

Чи Янь, держась за забинтованную голову, попытался устоять на ногах:

— Простите! Я…

Но тот не отпускал его.

Чи Янь поднял глаза на мужчину и едва смог выговорить:

— Президент Ци…

Ци Шоулинь смотрел на него. В его памяти этот парень всегда оказывался в драках, и всегда по голове.

— Собираешься обратно? Я вас подвезу, — сказал Ци Шоулинь. — С полицией я уже разобрался. Эти люди никуда не денутся.

*

Ци Шоулинь приехал на своей машине. Чи Янь счёл неуважительным сидеть с Чи Мэнцзя на заднем сиденье, поэтому медленно перебрался на переднее.

У ворот школы Чи Янь вышел из машины, чтобы поговорить с сестрой, и, увидев, как она вошла в здание, снова сел в автомобиль. Всю дорогу, за исключением редких указаний Чи Яня, Ци Шоулинь молчал, лишь спокойно вёл машину. Чи Янь украдкой поглядывал на него сквозь припухшие глаза, но на его чётком профиле нельзя было прочесть никаких эмоций. Вспоминая слова сестры, он задумался: зачем Ци Шоулинь позвонил ему? И как он вообще получил его номер телефона?

Он ведь уже вернул ему десять юаней. Что ещё нужно?

Чи Янь жил в старом районе, в одном из многоквартирных домов. Он попросил Ци Шоулиня остановиться снаружи, чтобы самому дойти до дома.

— Очень вам благодарен, — смущённо почесал голову Чи Янь, но коснулся только бинта, понимая, что это выглядит глупо. — Сколько я должен за лечение? Я верну вам.

Ци Шоулинь, одной рукой опираясь на руль, наклонился и нажал кнопку ремня безопасности Чи Яня, ответив невпопад:

— Выходи.

Чи Янь вышел из машины, сделал несколько шагов и обернулся, решив хотя бы проводить взглядом Ци Шоулиня. Но увидел, что тот тоже вышел из автомобиля, запер его и направился к нему.

— Пойдём.

— Президент Ци, здесь можно остановиться. Я сам дойду…

Чи Янь неловко улыбнулся.

Ци Шоулинь оставался непреклонен.

Лестница была узкой, и двум мужчинам невозможно было идти рядом. Чи Янь медленно шёл впереди, а Ци Шоулинь следовал за ним. На теле Чи Яня не было серьёзных ран, но, вероятно, осталось много синяков. Каждый шаг по ступенькам вызывал тупую боль, которая была даже неприятнее, чем кровотечение. Чи Янь опирался на перила, периодически останавливаясь, чтобы отдышаться. В лестничной клетке слышалось только его тяжёлое дыхание.

Внезапно он почувствовал, как его поясницу обхватила рука — Ци Шоулинь подошёл ближе, наклонился и, подхватив его под ягодицы, усадил на свою руку. Он поднял Чи Яня, как ребёнка.

— Ах…

Чи Янь даже не успел осознать, что происходит, ощутив, как его тело взмыло в воздух, и инстинктивно обнял Ци Шоулиня за шею.

— На какой этаж?

— Чет… четвёртый.

Чи Янь ответил, понимая, что такой контакт может быть неуместным, и поспешил убрать руку с шеи Ци Шоулиня.

— Держись крепче.

— А?

Ци Шоулинь не сразу двинулся вперёд, дождавшись, пока Чи Янь снова осторожно положит руку на его плечо. Он шёл уверенно, неся взрослого мужчину на руках, сохраняя ровное дыхание, словно держал пёрышко.

Давно уже никто так не держал Чи Яня. Его руки мягко легли на спину Ци Шоулиня, не смея сжимать, лишь слегка касаясь. Только отец и папа так обнимали его, но их плечи не были такими широкими, как у Ци Шоулиня.

Чи Янь почувствовал, как нос слегка защекотало.

У двери Ци Шоулинь аккуратно поставил Чи Яня на ноги. Тот медленно достал из сумки ключи и открыл дверь. Здесь он понимал, что Ци Шоулинь непременно войдёт, хотя ему не хотелось показывать свою «убогую комнату», особенно такому человеку, как Ци Шоулинь. Но выбора у него не было.

Почему-то Ци Шоулинь казался настойчивым в своём желании проникнуть в его жизнь.

— Комната маленькая, я редко убираюсь, так что… тут немного беспорядка, извините.

Чи Янь включил свет.

http://bllate.org/book/15527/1380379